

Виктор Ерофеев

Мир баллады. Пушкин

Романтическая баллада могла после Жуковского существовать лишь либо при обнажении ее приемов (которое могло получить ироническое или подчеркнуто стилизаторское значение), либо насыщаясь глубоким философским смыслом. Первый путь избрал для себя в своих балладах Пушкин, второй — Лермонтов.

Пушкин никогда не был «балладником» в том отношении, в котором им был Жуковский: он никогда не ощущал жанр баллады как близкий и адекватный своему умонастроению и эстетическим привязанностям. Напротив, в балладах Пушкина почти всегда чувствуется «отстраненность» от жанра. Но это не значит, что «чужой» жанр нельзя творчески использовать. Напротив, его можно довести до чистоты, которая и не снилась «балладникам», о чем свидетельствует изумительный пример эпической баллады, «Песнь о вещем Олеге». Однако Пушкина привлекали и иронические возможности стилизаторства. Ироническую ноту можно встретить и у Вальтера Скотта в балладе «Клятва Мойны», где торжественность девичьей клятвы иронически контрастирует с ее невыполнением, однако в пушкинских балладах «Утопленник» и «Жил на свете рыцарь бедный...» ирония торжествует уже откровенно, хотя и не является самодостаточной. В «Утопленнике» удивительным образом решен традиционный балладный конфликт между «метафизикой» и «социальностью». Крестьянин, со своей земной смекалкой, сообразил, что с властями лучше не связываться, и отправил утопленника плыть дальше по реке, однако недоучел действия потусторонних сил: вечное возвращение утопленника, его зловещий стук «под окном и у ворот» составляют черты «жуткой» истории, которой, однако, поэт придает «сниженный», полушуточный характер, вводя балладу в несвойственный ей мир крестьянской среды и простонародного языка.

Конфликт земного и небесного развивается и в балладе «Жил на свете рыцарь бедный...», только речь здесь касается не справедливости, а любви. Влюбленность рыцаря в богиню приобретает вольные, чуть-чуть кощунственные черты, однако поэт делает вид, что не замечает опасной грани в своем простодушном, наивном повествовании, которое венчает умильный «счастливый конец».